

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ В ПОСЛАНИЯХ ИВАНА IV В КРЫМСКОЕ ХАНСТВО И НОГАЙСКУЮ ОРДУ*

М.В. Моисеев^{1,2}

¹ *Российский государственный гуманитарный университет*

² *Музейное объединение «Музей Москвы»*

Москва, Российская Федерация

maksi-moisee@yandex.ru

Цель: исследование системы исторической аргументации Ивана Грозного в контексте дипломатических отношений с татарскими государствами.

Материалы исследования: комплекс дипломатических посланий царя Ивана IV Васильевича, сохранившихся в составе посольских книг.

Результаты и научная новизна: впервые для реконструкции представлений русской правящей элиты был использован весь комплекс сохранившейся дипломатической переписки. Было установлено, что пересмотр «ордынского наследия» был начат во время регентства Елены Глинской. Московские интеллектуалы, используя реальные факты, прецеденты, а также идя временами на прямой подлог, создали картину прошлого, в котором Поволжье принадлежало русским князьям еще до монгольского завоевания. В системе аргументации большую роль играли факты принесения присяги (шертования) татарской знати московским князьям, а позднее и царю. Обосновывается точка зрения, что «тмудораканская легенда» происхождения Астрахани использовалась только внутри страны и была необходима для того, чтобы убедить бояр в необходимости ее завоевания. При подборе аргументов русские дипломаты опирались на риторические формулы и образы, понятные в татарской культурной среде, что приводило к выработке иных способов обоснования внешнеполитических претензий, отличных от ретранслируемых в европейские страны.

Ключевые слова: дипломатическая переписка Ивана Грозного, восточная политика, татарские государства, историческая политика

Для цитирования: Моисеев М.В. Исторические примеры в посланиях Ивана IV в Крымское ханство и Ногайскую Орду // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 283–303. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.283-303

* Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда (проект № 16-18-10091). Руководитель проекта – К.Ю. Ерусалимский.

HISTORICAL EXAMPLES IN THE LETTERS OF IVAN IV TO THE CRIMEAN KHANATE AND THE NOGAI HORDE

M.V. Moiseev^{1,2}

¹ Russian State University for the Humanities,

² Museum Association "Museum of Moscow"

Moscow, Russian Federation

maksi-moisee@yandex.ru

Abstract: Objective: A study of the historical arguments of Ivan the Terrible in the context of diplomatic relations with the Tatar states.

Research materials: A compilation of diplomatic letters of Tsar Ivan IV Vasilievich preserved in the books of ambassadorial records.

Results and scientific novelty: The author used the whole compilation of the preserved diplomatic correspondence for the first time ever with the purpose of reconstructing a viewpoint of the Russian ruling elite. He established that the revision of the "Horde's legacy" was started during the regency of Elena Glinskaya. By using real facts and precedents, while also allowing themselves at times to commit direct forgery, Moscow intellectuals created a picture of the past in which the Volga region belonged to the Russian princes even before the Mongol conquest. The fact that Tatar nobility engaged in swearing an oath to Moscow princes and later to the tsar played an important role in the system of argumentation employed by Muscovy. The author shows that the "Tmutarakan legend" of the origin of Astrakhan was used only inside the country and was necessary to convince the boyars on the necessity of its conquest. Choosing arguments, Russian diplomats relied on rhetorical formulas and images that were understandable within the Tatar cultural environment, and this led to the development of other ways of substantiating foreign policy claims which differed from those that were employed in European countries.

Keywords: diplomatic correspondence of Ivan the Terrible, Eastern policy, Tatar states, historical policy

For citation: Moiseev M.V. Historical Examples in the Letters of Ivan IV to the Crimean Khanate and the Nogai Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 283–303. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.283-303

Давно уже известно, что исторические прецеденты, примеры играли большую роль в деятельности русского Посольского приказа [7, с. 301–328]. Сами эти exempla уже становились предметом изучения, в рамках которого исследователи пришли к выводу о скудности легитимирующих текстов, которые использовала русская дипломатия на восточном фронте. Но так ли это? Нам представляется, что этот вывод связан с абберрацией, вызванной методическим допущением, что образы и механизмы легитимации на Востоке и Западе одинаковы. Этот посыл, на первый взгляд, кажущийся верным, так как и христианство, и ислам выросли из одного культурного корня и обнаруживают ряд единых сюжетов и символов, всё-таки не может быть полностью принят. И вот почему. Дело в том, что постордынские государства, кроме принадлежности к исламскому миру, были еще и частью кочевого мира, некогда объединенного Чингиз-ханом в гигантскую империю, которая выработала свой символизм и практику символической коммуникации. Именно поэтому при изучении дипломатического общения мы должны постоянно иметь в виду этот дуализм. Но

для того чтобы наши объяснения и реконструкции были наиболее корректны, нам необходимо ответить на один вопрос: а что вообще знали об истории татар в Московском государстве XVI века? Для ответа на него мы выбрали период правления первого русского царя Ивана Васильевича, а объектом нашего исследования станут его дипломатические послания.

Выбор объекта нашего исследования объясняется несколькими соображениями. Дипломатические послания сами по себе выполняли репрезентационные функции, провозглашая место монарха в мировой системе власти, и вместе с тем свидетельствовали о его мирных намерениях. Впрочем, только этими функциями роль послания не ограничивалась. Оно могло превратиться в саркастический памфлет, наносящий удар адресату не только словами¹, но и даже своим внешним видом. Так, например, после сожжения Москвы в 1571 г. крымскими войсками Девлет-Гирея, послания в Крымское ханство скреплялись черными печатями для подорожных грамот [21, с. 334]. В посланиях имелось место и для учительского тона. Красноречивым примером может служить послание царя Ивана турецкому султану Селиму после знаменитого астраханского похода 1569 г. В этом послании Иван IV поучает турецкого султана азам дипломатии: «припоминая тебе, как нашим прародителем с твоими прародители дружба братственная и любовь крепкая велас и грамотами подкреплена. И возря в те грамоты, уведаеш их, то будет лихие люди меж нас с тобою ссору чинили и ты б нам то изявил, которым обычаем так учинилося и чего для недружба всчинати»². В целом, дипломатические послания могут рассматриваться как пример авторитетного дискурса. Заметна стандартизация формы, которая позволяла безболезненно копировать части текста из послания в послание. Впрочем, авторитетному языку посланий Ивана Грозного еще далеко до застывших форм авторитетного дискурса позднесоветской эпохи [32, с. 90–93], но, что важно, послания выстраивались нередко на основе исторических примеров, причем эти примеры должны были обладать качествами доступности и очевидности. Поэтому исторические факты, использовавшиеся при дипломатической переписке, отражают определенный элитарный консенсус по вопросам прошлого и тем самым имеют для нас дополнительный интерес. Таким образом, исторические факты и интерпретации используемые в дипломатических посланиях обладали авторитетным характером как минимум для отсылающей стороны и соответственно могут служить источником для реконструкции концепции прошлого соседей.

Для русской дипломатической переписки с татарскими аристократами характерна апелляция к авторитетным предкам. Такая линия поведения отвечала представлениям самих кочевников. В.В. Трепавлов отмечает, что номады, «чтобы сослаться на какой-нибудь эпизод прошлого, обычно вспоминали своего предка (современника этого эпизода) или государя, правившего в то время» [28, с. 192]. Так, в случае с Крымским ханством таким предком был Менгли-Гирей-хан. В июне 1536 г. в послании Ислам-Гирею писали следующее: «...ино как тому делу крепку быти, наперед того дед твой Менли-Гирей царь был з дедом нашим и отцом нашим в дружбе и в братстве, и они дела свои делали, а то ведали про своих недругов, каково кому с кем дело, и один

¹ Интересно, что в ходе полемики допускались весьма острые выпады, но это не приводило к разрыву отношений [2, с. 13–14].

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 6.

одному помагал, и того деля им на обе стороны, сколько добра ссталось»³. В 1562 г. время правления Менгли-Гирея и Ивана III в послании царя Ивана Сулеш-беку – это время мирного сосуществования, на которое надо ориентироваться, к которому надо стремиться; именно поэтому царь готов прекратить военные конфликты с ханом: «И мы памятуя Минли- Гирѣя царя и великого князя Ивана тѣ всѣ дѣла хотим оставити»⁴. Время Менгли было не только эталоном осуществления союзных обязательств, но и образцом оформления посланий. На это указывалось всё тому же Исламу летом 1536 г. на то, что его манера посланий «не к любви видится», в отличии от «...Менли-Гирея царя, письмо как писывал, и дружбу его памятуем, как был с дедом нашим, с великим князем Иваном, и с отцом моим»⁵. В целом, именно время правления Менгли-Гирея рассматривалось как период наиболее благоприятных русско-крымских отношений⁶ [см.: 21, с. 286, 303]. В русско-ногайских отношениях список «авторитетных предков» был несколько шире. Шейх-Мамай в 1548 г. вспоминал времена «при наших прежних, при Окасе князе и при Мусе князе, и при Шигым князе, и при Кад-Ахмеде князе, и при твоём деде, при Василье князе, наши добрые люди хаживали...» [18, с. 245]. Однако ни Иван Грозный, ни его окружение не считали нужным поддерживать столь длинный и древний авторитетный ряд, ограничиваясь упоминаниями отношений «при отце нашем великом князе Василье» [18, с. 86, 88, 89, 106, 107, 174, 241]. Напротив, под пером царя история ранних отношений вождей мангытов с московскими князьями могла приобрести неожиданный для потомков Эдиге характер. В сентябре 1576 г. в ответ на претензии Уруса на выплаты с Казани и Астрахани было написано следующее: «А отец твои Идиги князь отцу нашему и деду нашему служивали и жалованье имывали. А отец твои Нурадин мирза Темир Кутлюю царю служивал и жалованье имывал. А отец твои Исмаиль князь Сафа Кирею царю служивал и жалованье имывал» [20, с. 47]. То есть все эти выплаты были жалованьем за службу, а, следовательно, и Урус мог бы на них претендовать лишь в случае своей службы русскому царю. Но самое интересное, что Иван Грозный путем нехитрой манипуляции удревнил служебные отношения мангытов. Согласно его словам, уже знаменитый Эдиге служил предкам Ивана Васильевича! Эта дерзкая фальсификация – довольно редкий пример для дипломатической практики того времени, – тем не менее полностью находилась в русле той исторической концепции отношений с татарами, которая была выработана в то время.

Актуализация наследия прошлого имела не только абстрактный характер, к ней прибегали и для достижения вполне конкретных целей, например, таких, как составление шертей. В послании Эмин-Гирею от 1539 г. сообщалось следующее: «...отца твоего бакшей написал список шертной, какова была грамота шертная деда твоего, Менли-Гиреева царева, у отца нашего, у великого князя Василья...»⁷. Причем, очевидно, эта шертная запись долго сохраняла статус

³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 290об.

⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 14об.

⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 272об.

⁶ См.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 379об., 465–465об., 466об., 480об.; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 9. Л. 3; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 13–13об.

⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 622об.–623

актуального образца. В 1545 г. в русско-крымских отношениях вновь начались затруднения с шертованием. Сахиб-Гирей-хан прислал шертную грамоту в которой «...многие слова из шертные грамоты выставлены, а иные слова приставлены...». С претензиями был отправлен Никита Васильев сын Мясной, который должен был добиваться того, чтобы «...шертную велел написати с того списка слово в слово, которой есмя список послали к тебе с своим большим послом, с Васильем с Петровичем, каковы шертные грамоты наперед сего бывали отца твоего, Менли-Гирея царя, з дедом нашим, с великим князем Иваном, и с отцом нашим, великим князем Васильем»⁸. Такой стойкий характер обращения к документам конца XV – начала XVI в., как к эталону, довольно любопытен, хотя и не является исключением. С подобной практикой мы сталкиваемся и в русско-ногайских отношениях начала XVI в, когда к тексту шерти 1501 г. апеллировали вплоть до 1509 г. [16, с. 85], хотя следует признать, что случай с «шертью Менгли-Гирея», сохранявшей свою актуальность вплоть до середины XVI века, вызывает определенное удивление. Впрочем, это удивление может быть развеяно, если мы примем во внимание, что в переписке фигурирует серия документов за период конца XV – начала XVI в., связанных с именем Менгли-Гирея, а также стремление русской стороны вернуть отношения с Крымским ханством ко времени политического союза.

Апелляции к прошлому, как примеру правильных отношений, эталонных документов или как способу объяснения характера отношений, занимали в дипломатической переписке не самое большое место. Однако именно исторические примеры сыграли абсолютную роль в обосновании прав Москвы на Казань и Астрахань. Причем сначала эта теория была зафиксирована в летописях, а потом уже была доработана в составе посольской документации. Согласно летописям, ногаи всегда «бьют челом» и просят себя пожаловать [22, с. 9, 65, 84, 85, 115–116, 128, 130, 131, 132, 134–135, 137, 140, 235, 249, 262], то есть выступают как вассалы московских великих князей. Все статьи летописей, посвященные русско-ногайским отношениям можно представить в виде двух формуляров. Формуляр1 (далее – ф1.) представлял собой короткое сообщение, составленное следующим образом: «(дата) приидоша к великому князю (имя) послы Нагайские (от кого; кто) бил (били) челом, чтобы князь великий жаловал (чем именно)». Формуляр2 (далее – ф2.) отличался большей развернутостью текста, причем он сохранял ф1, а затем сообщались определенные подробности миссии. Так, в статье 7048 г. сообщается о дешевизне ногайских коней, пригнанных на продажу [22, с. 130]. В статье 7046 г. приводится сообщение о предложении Баки-бека выдать русским властям за откуп авантюриста князя С.Ф. Бельского [22, с. 124]. Естественно, наибольший интерес представляют летописные статьи ф2, так как в них иногда имеется информация, подчас не отраженная в посольских книгах.

Характерной особенностью летописных статей, в отличие от материалов посольских книг, следует признать их направленность. Летописям свойственно придание русско-ногайским контактам вида отношений вассала с сюзереном. Ногайские послы бьют русскому государю челом, «чтобы их князь великий жаловал и велел в свои государства ходити с торгом» или «чтобы князь великий жаловал, дружбу свою дръжал». С точки зрения летописца

⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 9. Л. 3–3об.

русский великий князь, а затем царь – вершитель судеб Ногайской Орды. Он защищает ногаев от хаджитарханского хана Ямгурчи, по его приказу убивают бия орды – Юсуфа. Однако все это не имеет параллелей с материалами посольских книг. Таким образом, освещение русско-ногайских отношений в летописях представляется нам идеологически измененным, с целью легитимации прав России на Джучидское наследие.

Время возникновения этой теории в составе летописей определить весьма сложно. Так, по мнению современного исследователя Лицевого летописного свода В.В. Морозова [17, с. 35], общим источником для ряда памятников русского официального летописания (Летописец начала царства и Воскресенская летопись) послужил Летописец 1541 г. При этом в протограф Никоновской летописи и Свода 1560 г. перешли сведения за 1533–1541 г. из Воскресенской летописи, а из Летописца начала царствования (поздней редакции) – известия за 1542–1556 гг. Общим же источником для них в части до 1541 г. послужил все тот же Летописец 1541 г.

Таким образом, можно предположить, что основные черты концепции легитимации прав власти России на Джучидское наследие сложились в течение 1-ой половины XVI века, еще до завоевания Казанского ханства. У нас есть возможность конкретизировать хронологические рамки для первой части этой концепции, связанной первоначально с Казанским ханством. Русская теория о легитимности своих прав на Казанское ханство, основным содержанием которой был принцип возведения на казанский престол султанов московскими великими князьями (при этом взятие казанцами хана без русского «ведома» расценивалось как измена)⁹, сложилась к 1520-м годам. Окончательную форму она приняла позднее и выразилась в посланиях 1568–1569 гг.

Вероятно, к 1520-м годам сложилась и концепция вассалитета Ногайской Орды. Однако представление об определяющей роли Москвы во внутренних ногайских процессах появилась позднее, вероятно, тогда же, когда сложилась теория легитимации завоевания Хаджи-Тархана (Астрахани). Эта теория включала в себя ряд моментов. Во-первых, план смещения Ямгурчи-хана обосновывался тем, что он изменил своей шерти; во-вторых, ограбил царского посла Севастьяна; в третьих, Хаджи-Тархан отождествлялся с древнерусской Тмураканью [22, с. 235–236]. В составе этой же летописной статьи проводится тезис о приказе русского царя убить Юсуф-бия во время проведения хаджитарханской операции [22, с. 235]. Необходимо отметить, что это противоречит данным посольской книги, по которой русские власти ожидали ногайской помощи в смещении Ямгурчи-хана, после чего должно было произойти шертование ногаев, но к моменту прибытия русского посла к Исмаилу, между ним и его братом Юсуфом уже началась открытая борьба [19, с. 141–142, 153]. Таким образом, летописные известия и посольские книги в этом вопросе разнятся. В случае летописных текстов мы сталкиваемся с создаваемой теорией легитимации, которая противоречит реальному ходу событий.

Время создания этой теории можно датировать, исходя из времени создания Летописца начала царства ранней и поздней редакций – 1555–1556 г. Итак, можно предположить, что теория легитимации прав России на Джу-

⁹ РГАДА. Ф.123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 6. Л. 19–19об.

чидское наследие в общих чертах сложилась к 1555–1556 г. Однако использоваться в дипломатических переговорах она начала позднее. Так, часть этой теории, касавшаяся Ногайской Орды, а именно, убийства Юсуфа по приказу Ивана Грозного, в переписке с ногайскими правителями начинает использоваться после смерти Исмаила при его приемниках после 1563 г. [28, с. 274].

В рамках дипломатического дискурса эта теория реализовывалась в виде непротиворечивой концепции истории Казанского ханства. Согласно этой концепции, все казанские ханы получали власть из рук московских князей. Однако свою окончательную форму эта теория получила не сразу. Один из наиболее ранних экскурсов в казанскую историю в русско-крымской переписке был предпринят в послании Сахиб-Гирею в феврале 1538 г. Приведем этот отрывок полностью: «...еси писал к нам, что Казанская земля – юрт твой, и ты посмотрив старые свои летописцы, который государь придет ратью да возмет которово государя, да его сведет, а землю его даст кому всхочет, не тово ли земля будет, хто ее взял, и ты, Казани помогающее, писал еси, а нам помогающее, молчал еси, цари, которые грешат своих юртов ордынских, пришед на Казанской юрт войнами, неправдами, что имали, и ты то помятуешь, а что дед наш, князь великий Иван, милостью Божиею, Казань взял, и царя своего с матерью, и с царицею, и з братьею, того не помятуешь, и ныне бы ты, брат наш, памятуючи свои старины, да и наши не забывал, и был бы еси с нами по тому, как был наперед того дед наш, князь великий Иван, и отец наш, князь великий Василей, с отцом с вашим, с Менли-Гиреем царем...»¹⁰. Этот пассаж весьма любопытен с точки зрения анализа политических концепций постордынского пространства. В послании малолетнего великого князя Ивана¹¹ мы видим реакцию на использование Сахиб-Гиреем «права меча», как обоснования своих претензий на Казань. Это право и его правоприменение в послании изложено с достаточной полнотой, но, что примечательно, автор послания резко напоминает, что «право меча» – это вовсе не исключительная прерогатива крымских ханов. Отнюдь, его могут использовать и русские князья. В этом споре историческая аргументация играет большую роль. Сам спор начинается с директивного предложения: «...и ты посмотрив старые свои летописцы...»; и, очевидно, что вне исторического измерения решения он не имеет. Есть здесь пассаж и в лучших традициях «войн памяти»: то, что цари ордынские «...пришед на Казанской юрт войнами, неправдами, что имали, и ты то помятуешь...», а что Иван III «...Казань взял, и царя своего с матерью, и с царицею, и з братьею, того не помятуешь...». Резюме выполнено в этой логике «памятуючи свои старины, да и наши не забывал». Примечательно, что несмотря на то, что к 1538 г. уже в общих чертах концепция давней подчиненности Казани Москве была выработана и даже прошла своеобразную апробацию в 1522 г. в переговорах с Саадет-Гиреем [15, с. 399], в переписке с бывшим казанским ханом Сахиб-Гиреем решили использовать парадигму «права меча». Мы вполне можем

¹⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 480–480об.

¹¹ Вопрос об авторстве этого, как и других посланий малолетнего Ивана, довольно сложен. Очевидно, что дипломатические послания этого времени должны были составлять представители регентского совета и приближенные к нему чиновники. Учитывая роль в восточной политике 1530–1538 гг. оружничего Ф.И. Карпова, мы можем полагать его авторство этой концепции.

предполагать, что в 1530-е гг. московские дипломаты перешли к фронтальному пересмотру всего комплекса норм и ритуалов, унаследованных в двусторонних отношениях от ордынских времен. Именно поэтому было важно подчеркнуть, что крымские ханы не обладают исключительными правами на постордынские политические образования, и «право меча» работает в обе стороны¹². Значение анализируемого документа сложно переоценить. В этом послании мы видим жесткий отказ признавать хоть какую-то эксклюзивность прав крымского хана, и сделано это было в рамках той политической риторики, которая была абсолютно понятна именно в татарской среде.

Дальнейшее развитие международных отношений в Поволжско-Черноморском регионе привело к тому, что его судьбы уже решались только в рамках русско-крымских отношений. Постепенно снижалось значение ногайского фактора, влияние Великого княжества Литовского на региональный политический процесс было недостаточным, а роль турецкого фактора пока еще была незаметна. В этих условиях крымский хан Девлет-Гирей проводил последовательную политику на отторжение от Московского государства территорий завоеванных им Казанского и Астраханского ханства. Поэтому дискуссия вспыхнула вновь с удвоенной силой. В январе 1568 г. в ответном послании Девлет-Гирею царь Иван Васильевич вновь обратился к истории Казанского и Астраханского ханств. Однако теперь ответ выстраивается в рамках официальной концепции. Царь с присущей ему учительской интонацией излагает ее хану: «И мы грамоту твою выслушали и вразумели гораздо. И что писал еси к нам в своей грамоте о Казани и о Азсторохани, – и Казанской юрт от прародителей наших и от деда, и от отца нашего в нашей во всей воле были. И царей сажали на Казани дед и отец наш по своему хотению, – кого пожелают» [21, с. 132–133]. Итак, в годы правления Ивана III и Василия III престолонаследие в ханстве было под исключительным русским контролем. Это утверждение очевидным образом противоречило реальности, но царь Иван IV рассуждал в рамках выработанной посольскими интеллектуалами концепции, согласно которой после 1487 г. все казанские ханы на своем престоле были утверждены московскими правителями. Нарушение этой практики случилось «...в наши не в свершенные лета», когда «казанцы изменным обычаем нам грубили и убытки земле нашей многие делали». Однако это не вызвало мгновенного военного вмешательства. Царь рисует себя миротворцем: «И многижда есмя к ним писали, чтоб ся в своих изменах узнали. И они нас не послушали – в своих изменах ся не узнали». Военное вмешательство же стало последним средством для восстановления законности: «И как есмя своего совершенного возрасту дошли и на конь всели, и мы всемилостиваго Бога волею по тому за их неправды так над ними и учинили» [21, с. 133]. По сходной схеме было выстроено и обоснование завоевания Астрахани: «А азстороханской Ямгурчей, царь, поискал был к себе нашего жалованья и присылал к нам посла своего Ишима, князя, чтоб нам его во обороне держати по тому ж, как и дед наш, и отец тот юрт во оберегание держал, а ему от нас и от наших детей неотступну быти. И мы его своим жалованьем пожаловали, и посла сво-

¹² С точки зрения Б.Р. Рахимзянова, факт завоевания, увязанный с представлениями о харизме, служил «базисом» всего комплекса русско-татарских отношений XIII – XVII вв. [26, с. 381–387].

его Савастьяна Аврамова с своим жалованьем послали есмь. И он, позабыв свою правду, посла нашего Савастьяна, изымав, безчествовал. И мы за те его неправды посылали на него з Дербышем, царем, рать свою, и на том юрте учинили есмь от своее руки Дербыша, царя. И Дербыш, царь, на своей правде нам не устоял, и мы за его неправды учинили в Азсторохани воевод своих» [21, с. 133]. Итак, мы можем констатировать, что русская политическая мысль к 1568 г. пережила очевидную эволюцию. Если еще в 1538 г. в споре о Казани приходилось использовать риторику, выработанную в рамках ордынского дискурса, то теперь это не представляется необходимым. Напротив, русские используют собственное объяснение, в котором именно они выступают источником власти для казанских и астраханских ханов. Однако с исчезновением (или мягче – ослаблением) ордынского содержания, более важное значение стал играть религиозный фактор. Царь отводит любые подозрения от того, что казанское и астраханское взятие имели крестоносный характер: «И Божиим милосердием те есмь юрты Казанской и Азстороханской устроили, как им от нас неподвижным быти, а не для того, что мусулманского роду веру изводя: которые нам измены делали, – над теми для их неправды потому и ссталось, а которые мусулманы нам правдою служат, – и мы по их правде их жалуем великим жалованием, а от веры их не отводим» [21, с. 133]. Таким образом, Иван Васильевич в своем послании Девлет-Гирею предложил цельную теорию обосновывающую его права на эти государства. Существенными ее моментами были: а) ранее, начиная с 1487 г., право возведения на казанский престол ханов, б) нарушение этого права казанцами и в) сохранение ислама на покоренных территориях. Эти элементы с некоторыми корректировками, в первую очередь хронологического свойства, использовались и для легитимации покорения Астрахани. Все эти доводы в конечном итоге доказывали законность включения этих территорий в состав христианского Московского царства и именно поэтому: «И тому делу быти непригоже, чтоб нам тебе Казани и Азсторохани поступитись» [21, с. 133].

Поход турецко-татарского войска в 1569 г. на Астрахань, обосновывавшийся соображениями защиты ислама, в значительной степени актуализировал риторику толерантности к мусульманам, однако и использование истории не было прекращено. Так, еще в феврале 1569 г. Иван IV в своем послании отводит все обвинения в насильственной христианизации населения покоренных ханств и вновь возвращается к казанской истории. Сначала он утверждает, что «Казань и Азсторохань Бог нам в руки дал, а не мы того искали» [21, с. 199], и затем объясняет, каким образом это произошло. Приведем эти слова полностью.

«К деду нашему великому государю Ивану Абреимовы, царевы, дети Магмед-Амин, Абдыл-Летиф, Кудайгул ис Казани прибежали от брата своего от Алехама, царя, бьючи челом деду нашему на него о своих обидах. И дед наш многую рать свою с Магмед-Амином, царевичем, послал. И казанские люди деду нашему добили челом, и Алехама, царя, с матерью и со царицею деду нашему в руки дали. И дед наш из своих рук учинил Магмед-Аминя царем на Казани. И после того Магмед-Аминя, царя, казанские люди с царства согнали. И дед наш опять на Казань многую свою рать посылал, и из своих же рук учинил на Казани брата Магмед-Аминева Абде-Летифа царем. И после того Абде-Летиф деду нашему не учал правити, и дед наш его с Казани

свел и опять царем учинил Магмед-Аминя, царя. И после того, как Магмед-Аминя, царя, не стало, присылали бити челом казанские люди к отцу нашему великому государю Василью, штом им дал царя из своих рук. И отец наш дал им царя из своих рук на царство Шиалея, царевича, и они после того Шиалея, царевича, согнали с царства и после того много спустя присылали бити челом к отцу нашему и взяли из отца нашего рук Яналея, царевича. И отец наш учинил Еналея, царевича, на Казанском юрте царем. И при деде при нашем, и при отце при нашем от Магмед-Аминя, царя, и до Зеналея, царя, от всех мусулманских государей ни от кого о том слово никакого не бывало. А как отца нашего великого государя Василья не стало, а мы учинились на своих государствах в несовершенно летех, и казанские люди, роту и шерть переступя, Яналея, царя, убили, и в наши несовершенно лета в нашей земле много христьянские крови пролили. И как мы своего возраста дошли, и мы на них почали посылати рати свои, – и они к нам присылали бити челом, штобы мы им дали из своих рук Шиалея царем. И мы их пожаловали – дали им из своих рук Шиалея, царя. И они Шиалея, царя, безчествовали и с царства согнали. И мы за те их неправды и сами на них ратью ходили, – и они нам били челом, и опять у нас взяли Шиалея, царя. И мы чаяли того, что уж они в своих неправдах познаютца, и они опять, по прежним своим обычаем роту и шерть переступя, Шиалея, царя, с царства согнали, а к себе взяли на царство из Нагаи Едигеря, царевича. И мы за те их неправды ходили на них ратью, – и Бог так над ними учинил за их неправды» [21, с. 199–200].

В этом отрывке легко заметить, что, кроме Али-хана и Ядгар-Мухаммада, никаких иных «изменных царей», вроде как, и нет, но есть череда ханов, возведенных на престол русскими, и есть некие измены казанцев, но имен ханов, получивших власть в Казани без «благословения» из Москвы, нет. Эта практика частичного умолчания довольно любопытна. Означала ли она нежелание ввязываться в долгий и бесперспективный спор о законности правления Сахиб-Гирея и Сафа-Гирея, или же мы здесь сталкиваемся с «механизмом забывания», который должен был создать относительно бесконфликтный дискурс прошлого? Если согласиться с политическим объяснением этого, то тогда придется в таком же контексте объяснить отсутствие в перечне «изменных царей» Мамука. Подобная логика вряд ли будет уместна, так как сложно представить, что упоминание сибирского Шибанида могло вызвать дискуссию о легитимности его правления в Казани в рамках русско-крымского переговорного процесса. Тогда с чем мы имеем дело? Чарльз Гальперин, анализируя историю отношений на религиозном фронтире, в частности, Руси и Орды, обнаружил «идеологию молчания», которая позволяла «справляться с противоречием между идеальным и реальным, между предвзятостью и прагматизмом» [4, с. 92]. Константин Ерусалимский увязал это явление с феноменом *damnatio memoriae* посольской практики [7, с. 309]. Выявленные факты позволяют согласиться с приведенными наблюдениями ученых и признать возможность «механизма забывания» или «умолчания», который играл роль в практике выстраивания политики памяти в Московском государстве XVI века. Однако стоит признать, что указанный нами «механизм забывания» был более активной стратегией, чем просто «забывание» или «идеология молчания», так как позволял конструировать удобное для себя прошлое.

В этом же послании была затронута и астраханская проблема. Завоевание этого ханства объяснялось без лишних прикрас и основывалось на схеме, рассмотренной выше.

«А Астороханской юрт нам в руки Бог дал тем обычаем: Емгурчей, царь, присылал к нам бити челом своего посла Ишима, князя, штоб нам по тому же его держати, как Казанской юрт держим в нашем имени. И мы к нему посылали с своим словом своего посла Савастьяна, толмача, и он нашего посла безчествовал да и ограбил. И мы за те его неправды посылали на него рать свою. А у нас в те поры был того ж юрта Дербыш-Алей, царь, и мы его в своей ж рати послали. И наши люди Асторохань взяли и Дербыш-Алея на Аз-сторохани по нашему велению царем учинили. И Дербыш-Алей нам не учал прямити, и мы потому на него и рать свою посылали, и в Асторохани воевод своих учинили. И потому так стало, а не изводя мусулманство так учинили есмь» [21, с. 200–201]. Интересно, что в рамках дипломатического дискурса совершенно отсутствует «Тмутараканская легенда» происхождения Астрахани, к которой традиционно прибегают при анализе московских легитимационных легенд. Об этом вскользь упомянул Н.М. Карамзин [12, стб. 136]. Позднее весь этот сюжет неоднократно упоминался. Наиболее цельно он был проанализирован А.И. Филюшкиным:

«В октябре 1553 г. окольниковый А.Ф. Адашев и дьяк И.М. Висковатый вели переговоры с ногайскими послами во главе с Исмаил-мурзой об утверждении на Астраханском престоле хана Дербиша-Али. Был заключен антиастраханский военный московско-ногайский союз. В ходе переговоров русские дипломаты прибегли к любопытной аргументации: Астрахань была названа ими древней Тмутараканью, вследствие чего, по их мнению, Иван получал на нее законное право как на древнюю вотчину своих предков» [29, с. 289].

Таким образом, исследователь пришел к выводу: во-первых, о ведении специальных переговоров в 1553 году между русскими и ногаями о судьбе Астраханского ханства; во-вторых, «Тьмутараканская» легенда использовалась ими для убеждения ногаев в закономерности захвата.

Концепция А.И. Филюшкина о легитимирующем характере «Тьмутараканской легенды», поддержанная рядом исследователей [7, с. 321], встретила более прохладный прием у востоковедов, которые отвели ей подсобную роль в деле обоснования захвата Астрахани [9, с. 160]. На наш же взгляд, это суждение А.И. Филюшкина не учитывает ряда данных и поэтому не может удовлетворять, и вот почему.

Во-первых, мы не можем согласиться с датировкой русско-ногайских переговоров октябрём 1553 года. Дата эта приводится в Никоновской летописи и в близких к ней. Однако, согласно ногайской посольской книге, ногайское посольство Тимур-батыра прибыло в Москву заметно позднее – 15 декабря 1553 года¹³. Не могло это быть и другим посольством, так как ногайские послы в Москве были в августе того же года. В октябре они покинули Москву, но 13 октября 1553 года стало известно о походе бия Ногайской Орды Юсуфа на Русское государство, и послов вернули в Москву¹⁴. После этого ногайских

¹³ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 4. Л. 195, 195об.

¹⁴ Там же. Л. 181, 188об., 189, 189об., 191об.–192.

дипломатических агентов не было до декабря 1553 года. Таким образом, налицо смещение хронологии, имеющее место в летописных памятниках.

Во-вторых, мнение о русско-ногайских переговорах, направленных против Астраханского ханства, не учитывает динамики этого вопроса в отношениях России и Ногайской Орды в то время. Дело в том, что, хотя в летописях фигурирует просьба ногаев «оборонить их» от Ямгурчи-хана хаджитарханского [22, с. 253; 23, с. 544], посольские материалы демонстрируют полное молчание по астраханскому вопросу с мая 1553 года¹⁵. Молчало о нем и Русское государство¹⁶. Более того, один из наиболее последовательных сторонников Дервиш-Али в орде, Исмаил, в конце лета – начале осени начал мирные переговоры с Ямгурчи-ханом¹⁷. В целом, в том контексте, как он упоминается в летописях, ногаи вообще не ставили вопрос о Хаджи-Тархане.

Так же менялась позиция ногаев по вопросу о будущем Дервиш-Али. Уже в октябре 1552 года они разуверились в русской помощи в возведении его на хаджитарханский престол и требовали отпустить знатного эмигранта в Ногайскую Орду¹⁸. После «казанского взятия» русская дипломатия вновь будировала хаджитарханский вопрос, но ногаи сконцентрировались на попытке освобождения последнего хана Казани. Тот же Исмаил колебался в вопросе о будущем Дервиш-Али: то предлагал «учинить» его в Хаджи-Тархане, то, напротив, отослать к себе¹⁹.

Таким образом, можно отметить следующее. Летописи и посольская книга весьма отлично друг от друга передают обстоятельства русско-ногайских отношений по хаджитарханскому вопросу. Более того, посольские материалы фиксируют изменение позиции мирз по этой проблематике от активного стремления к смещению Ямгурчи-хана к более сдержанной позиции, вплоть до сворачивания этой политики. Пусковым моментом этих изменений, вероятно, стало «Казанское взятие».

Анализ летописных известий о переговорах с Тимур-батыром также вселяет в нас определенный скепсис об их характере. Согласно этим источникам, Иван Грозный велел А.Ф. Адашеву и И.М. Висковатому «выспросити» у послов Исмаила, «что их хотение, и велел с ними приговорити, как ся тому делу делати» [22, с. 235]. Здесь, на наш взгляд, уместнее говорить не о переговорах, а о неофициальных консультациях. Не последнее значение в нашем предположении играет тот факт, что, кроме вполне ясного летописного текста, в самих ногайских посланиях оснований для переговоров по хаджитарханскому вопросу нет.

После этих консультаций было принято решение об отправке Дервиш-Али в Хаджи-Тархан и войсковой операции по его возведению на престол [22, с. 235]. Однако нельзя сказать, что это решение было оглашено перед

¹⁵ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 4. Л. 167–170об., 183об.–188.

¹⁶ Там же. Л. 175об.–181.

¹⁷ Там же. Л. 194–194об.

¹⁸ Там же. Л. 147–147об.

¹⁹ Там же. Л. 197об., 198об.

ногайскими послами. Более того, оно нашло отражение в секретной части наказа русскому послу Н.И. Бровцыну в 1554 году²⁰.

Таким образом, вместо официальных переговоров в 1553 году имели место консультации с ногайскими послами, которые привели к разработке секретной войсковой операции по смещению Ямгурчи-хана и возведению на престол Дервиш-Али.

Завершая наше рассмотрение вопроса о «переговорах» в 1553 году, отметим, что, несмотря на утверждение А.И. Филюшкина об использовании русскими дипломатами отождествления Астрахани с Тмутараканью в ходе «переговоров» с ногаями, летописи об этом не сообщают. Напротив, эта аргументация использовалась Иваном Грозным во время совета с боярами: «И царь и великий князь, положи упование на Всемогущаго Бога, почал съвѣтовати з бояры, как ему промышляти над Емгурчѣем царем Азтороханьским за свою обиду: на чем присылал послов своих Ишима князя бити челом, в том всем измѣнил и царева великого князя посла Севастиана ограбил. И вѣспомяна царь и великий князь древнее свое отечество, яже прежебывши его родителис-вьяиопочивший великий князь Владимир, просвѣтивый Русскую землю святым крещением, раздѣляя области на части дѣтем своим, и ту Азторохан, тогда именовалася Тмуторокань, и да еѣ сыну своему Мстиславу» [22, с. 235–236]. Так же передано это сообщение в Львовской и Лебедевской летописях [23, с. 544–545; 24, с. 225], однако его нет в других летописных памятниках, например, в Кратком московском летописце из Галле [см.: 3, с. 565]. Умалчивает о «тмуратараканском» тождестве Астрахани и Летописчик Игнатия Зайцева, который при этом содержит весьма подробный, хоть и немногословный, рассказ об астраханском походе князя Ю.И. Шемякина-Пронского в 1554 г. [10, с. 19]. Ничего о том, что Астрахань – это древняя русская Тмуторокань, не знает и князь А.М. Курбский [8, с. 113; 13, с. 96], хотя и относит ее к древнерусским землям. Аргументация князя здесь следующая: по его мнению, некий князь Андрей Суздальский владел поволжскими землями вплоть до Каспийского моря, и тем самым эта территория еще до возникновения Астрахани принадлежала русским, и, соответственно, астраханское взятие 1554 г. – это отвоевание русских земель [6, с. 227; 7, с. 322]. Любопытно, что князь Андрей не часто обращавшийся к историческим примерам, если все-таки это делал, то выбирал наиболее «яркие иллюстративные сюжеты» [6, с. 225]. Не говорит ли его молчание о том, что «тмутороканская легенда» ему была не известна? Если допустить это, то мы можем полагать, что она была доступна узкому кругу лиц и так и не стала легитимирующей легендой для внешнеполитического дискурса, создававшегося в Москве. Это подтверждается тем, что в посольском дискурсе теория о тмутороканском происхождении вообще применения не имела. В контексте отношений с европейскими странами подчеркивалось, что «Астрахан государство было болше Казанского государства, изначала Болшие Орды государство началное в мусулманских государех» [7, с. 321]. Таким образом, теория легитимирующая захват Астрахани тем, что она якобы является древнерусской Тмутороканью, не имела общепризнанного характера. Имеющиеся источники демонстрируют несколько способов объяснения, причем два

²⁰ См.: РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 4. Л. 210об.–211об.

метода были укоренены в летописной традиции, и только отождествление Астрахани с Большой Ордой имело активное внешнеполитическое использование. Возможно, это летописное сообщение указывает на некоторую оппозицию бояр дальнейшей завоевательной восточной политике в условиях не доведенного до конца замирения казанского края. О наличии глухой оппозиции решениям юного царя пишет князь Андрей Курбский [8, с. 68–69]. Уже в ноябре 1552 г. на представителей русских властей начались нападения луговых людей. Отряд, посланный на усмирение повстанцев, был разбит. Восставшим марийцам удалось блокировать Казань. Зимой 1553 г. они блокировали Свияжск, Васильсурск, нападали на муромскую, вятскую и нижегородские земли. Только весной 1553 г. царским войскам удалось перейти в наступление. В конце этого года из Нижнего Новгорода на подавление мятежа были двинуты значительные силы. В январе 1554 г. эта группировка при поддержке лояльного местного населения нанесла повстанцам серию поражений. Однако попытка подавить сопротивление руками лояльной казанской знати провалилась. Летом 1554 г. ряд казанских аристократов перешли на сторону повстанцев. Только осенью 1554 г. сводному русско-татарскому отряду удалось нанести серьезное поражение мятежной знати и марийцам, в восстании наметился спад [1, с. 139–153; 13, с. 76, 78]. Сами переговоры с ногайскими послами о судьбе Астрахани могли иметь место в январе 1554 г., когда еще не было понятно, удастся ли сломить сопротивление повстанцев в Казанской земле. В ногайской посольской книге зафиксирована следующая хронология: в декабре 1553 г. посольство прибыло, 22 января 1554 г. царь Иван «нагайских грамот слушал», а 26 января им дали аудиенцию, на которой им представили русского посланника Микулу Иванова сына Бровцына, на которого и возлагалась миссия по привлечению ногаев к захвату Астраханского ханства [19, с. 136, 137]. То есть, это решение принималось в сжатые сроки, и хронологически оно совпадает с тем периодом неопределенности в борьбе со сторонниками освобождения Казани от русских. В принципе, логично предполагать оппозицию этому решению царя в Боярской Думе. Князь Андрей Курбский сообщал об этих настроениях: «...яко многим уже совѣтовати со вопианием, да покинет мѣсто Казанское и град и воинство христианское сведет оттуды». Источники этих панических настроений он локализовывал без персонализации, что в принципе, свойственно Андрею Курбскому как автору: «А рада то была богатых и ливных мнихов и мирских...» [13, с. 84]²¹. Красноречивым подтверждением этому может служить сообщение так называемого Летописца Русского, опубликованного А.Н. Лебедевым²² в 1895 г., согласно которому, боярин, князь С.В. Звяга Лобанов-Ростовский сообщил литовскому послу Станиславу Довоине, что «...Казани царю и великому князю не здержать, ужжо ее покинет» [31, с. 14]. Интересно,

²¹ Пораженческие настроения в Москве в 1553–1554 гг. уже давно привлекли внимание ученых [см., например: 1, с. 145; 30, с. 140], но без связи с астраханской эпопеей.

²² Лебедев Андрей Николаевич (1842–1899), выпускник Московского университета (1868). Служил врачом на Орловско-Витебской железной дороге. Активный член Орловского медицинского общества и Орловской ученой архивной комиссии. Занимался книговедческими изысканиями, приобрел часть книжного собрания новосильского библиофила XVIII в. Василия Осипова. Описание библиотеки дал в 1896 г. в специальной статье [11, с. 80–81].

что в целом сообщение этого Летописца повторяет аналогичную статью Никоновской летописи, но слова о скором оставлении Казани есть только в публикации А.Н. Лебедева. Поэтому необходимо проанализировать эти уникальные сведения. Сам публикатор довольно скупо описывал рукопись. Приведем цитату полностью: «В лист, в бумажном переплете, писана красивою, очень разборчивою скорописью конца XVII века, на 323 листах» [31, с. III]. Рукопись была приобретена Лебедевым у тульского помещика М.В. Соймонова в 1893 г. [11, с. 81; 31, с. III]. Содержательно этот летописец повторял Львовскую летопись. А.Н. Лебедев предполагал, что «...как наша, так и известная Александро-Невская рукописи составляли части одного целого...» и вслед за А.Е. Пресняковым связывал их с лицевыми летописями [31, с. III]. При передаче текста публикатор части текста, не встречавшиеся в летописях, послуживших источником для текста, набрал курсивом. Лебедев отмечал, что все эти «излишки текста» оказались приписками, «сделанными на полях» так называемой «Никоновской летописи с рисунками» [31, с. IV]. Сразу после публикации источника последовал отзыв известного историка А.Е. Преснякова (1870–1929), напечатанный в июньском номере «Журнала министерства народного просвещения». Столичный исследователь с любезного разрешения А.Н. Лебедева смог познакомиться с рукописным собранием орловского библиофила и подробнее ознакомиться с рукописью летописца. А.Е. Пресняков отмечал, что рукопись Лебедевым была напечатана не вся, а только частично, полностью же она составляет 4 фолианта, разделенных «более или менее случайно» в XVIII веке [25, с. 467]. Исследователь предположил, что летописец А.Н. Лебедева является одной из копий с лицевого свода. Также он указал на связь этой летописи с Александро-Невской летописью: «...сорт бумаги тот же, так как на всех листах Александро-Невской летописи тот же водяной знак, что и в рукописи А.Н. Лебедева; в почерке, ни по общему впечатлению, ни после сличения начертания отдельных букв, я разницы не нашел» [25, с. 470]. Эти наблюдения позволили ему предположить, что обе летописи являются «частями одной и той же копии с большого лицевого свода» [25, с. 471]. В 1965 г. Летописец Русский А.Н. Лебедева был переиздан в Полном собрании русских летописей под названием «Лебедевская летопись». Публикаторы в водной статье повторили наблюдения А.Н. Лебедева и А.Е. Преснякова, уточнив, что почерк переписчика относится к третьей четверти XVII в. Основным источником Лебедевской летописи, по мнению А.Е. Преснякова, поддержанным публикаторами 2-ой половины XX в., оказалась Никоновская, а не Львовская летопись [25, с. 474; 24, с. 5–6]. Таким образом, сведения о словах князя Семена Ростовского о скорой сдаче Казани восходят к официальному летописанию, а если точнее, к припискам к лицевому своду. Не углубляясь в известную дискуссию об авторстве этих приписок, мы можем все-таки признать думскую оппозицию завоеванию Астраханского ханства, отмеченную в двух независимых источниках: приписках 70–80-х гг. XVI в. и «Истории» князя А.М. Курбского.

«Тмутараканская легенда» в том виде, в котором она фиксируется в ряде летописных памятников, очевидно, является развитием теории о покорении Поволжья еще древнерусскими князьями. Можно полагать, эти представления имели своих сторонников, но единой трактовки не было. Если в официальном летописании это связывалось с князем Владимиром Святым (Тмутаракань-Астрахань была дана в удел его сыну Мстиславу), то князь Андрей

Курбский писал о том, что «Бо тѣ княжата суздальские вълекомы от роду великого Владимира, и была на них власть старшая руская между всѣми княжаты боле двусот лѣтъ, и владѣл от них един Андрѣй, княжа Суздальское, Волгою рекою аж до моря Каспийского (выделено мною – М.М.)...» [13, с. 140–142]. Предпочтение Владимиру князя Андрея Суздальского, до сих пор точно не идентифицированного исследователями, вызывает определенные вопросы. Может быть, Курбский хотел вывести победные деяния древнерусских князей из-под московского имперского дискурса. В таком случае, признание этого Андрея родоначальником тверских князей может оказаться не ошибкой [13, с. 686], а намеренным искажением²³. В этом контексте любопытна следующая связь, предлагаемая Курбским: суздальские князья имели «старшую власть» над всеми русскими князьями [5, с. 95], а от них происходят князья тверские, и, стало быть, старшинство переходит к ним. Князь Андрей далеко не случайно увязал в этом небольшом предложении в рамках мартиролога суздальских князей покорение Андреем Суздальским Поволжья и происхождение от него тверских князей. Это была, на мой взгляд, крайне резкая инвектива, направленная не просто против царя Ивана, но и в целом против его рода; по сути, Курбский обвинял московских властителей в узурпации власти и в крайней неблагодарности к достижениям русских князей. Таким образом, перед нами системно переосмысленное представление о прошлом, которое выступало оружием в настоящем.

Итак, обращение при обосновании вторжения в Астраханское ханство к «тмутараканской легенде» носило вынужденный характер в условиях оппозиции Боярской думы и было направлено только на нее. Упоминание Тмутаракани могло быть воспринято русскими аристократами и церковными деятелями, так как в это время теория о принадлежности всего Поволжья древнерусским князьям имела очевидно широкую известность. Однако в дальнейшем представления о тождестве Тмутаракани и Астрахани не получили использования. «Тмутараканская легенда» играла факультативную роль в процессе обоснования права завоевания Астрахани русскими. Официальные летописи фиксируют, что хан Ямгурчи изменил царю, нарушив ранее данную присягу (шерть), ровно так же завоевание обосновывалось и в практике отношений с татарскими государствами. Поэтому можно заключить, что и в астраханском взятии, так же, как и в случае с Казанью, ведущая роль принадлежала топосу измены, понимаемой как нарушение шертной присяги.

Итак, следует признать, что сами по себе исторические примеры в посланиях выстраиваются в полемический текст, который имеет авторитарную природу и не рассчитан, казалось бы, на доброжелательное понимание. Ряд аргументов, используемых полемистами, имеют очевидный нелегитимный характер²⁴. Умолчание, подлог и прямой обман – обычный инструментарий дипломата. Вместе с тем выстраиваемый дискурс не был насквозь лживым и нетранспортным адресату. Напротив, он опирался на систему прецедентов

²³ Любопытно, что московские князья лишены персонального предка, а просто происходят, как и все князья, от Владимира Святого. Однако делать из этого какие-то определенные выводы не стоит, так как персональных предков нет и у князей стародубских, рязанских, ростовских, белозерских [см: 5, с. 95].

²⁴ Подробнее об авторитарности полемики и нелегитимной аргументации см: [14].

и образов, понятных и известных своему vis-à-vis. Именно в рамках такой практики происходило переосмысление исторического опыта русско-ордынских отношений и создание нового понимания характера отношений между Москвой и тюрко-татарскими государствами.

Мы можем полагать, что фронтальный пересмотр всего комплекса практик дипломатического общения с постордынскими государствами, происходивший в 1530-е гг., разрабатывался московскими интеллектуалами, окружавшими Елену Глинскую. Ведущая роль, скорее всего, принадлежала Ф.И. Карпову. В любом случае, предпочитались риторические стратегии, которые находят параллели в ренессансной Европе. Следующим этапом выстраивания исторической аргументации стало использование теории о давней принадлежности Поволжья древнерусским князьям. Московские интеллектуалы выработали связную картину прошлого – прошлого, в котором московские князья, а затем и царь, выступают как безусловные сюзерены над поволжскими ханствами. Следствием этой исторической политики стало понимание завоевания Казани и Астрахани не как необоснованной незаконной военной агрессии, а как реализации своего права на установление той формы управления, которая представляется Москве приемлемой. Грубо говоря: ставили ханов, а теперь из-за их измен и грубости «воевод своих учили». То есть, вроде, как ничего не изменилось – ничего, кроме персон! Конечно, такая логика не могла примирить крымского хана с этими изменениями. Но показательно, что в качестве основы для спора о судьбе завоеванных ханств отныне более существенную роль станут играть прения о вере, что позволяет нам предполагать негласное согласие с правом русских на эти земли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998.
2. Бачинский А.А. «С розметом писано»: реакция на «невежливость» в рамках эпистолярно-дипломатического этикета русско-польских отношений XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 13–14.
3. Буганов В.И., Рогожин Н.М. Краткий Московский летописец начала XVII в. из г. Галле (ФРГ) // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 519–573.
4. Гальперин Ч. Идеология молчания: предвзятость и прагматизм на средневековой религиозной границе // Американская русистика: веки историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Антология. Самара, 2001. С. 65–97.
5. Ерусалимский К.Ю. Представления Андрея Михайловича Курбского о княжеской власти и русских князях IX–XVI века // Соціум. Альманах соціальної історії. Київ, 2004. Вип. 4. С. 71–100.
6. Ерусалимский К.Ю. Историческая память и социальное самосознание князя Андрея Курбского // Соціум. Альманах соціальної історії. Київ, 2005. Вип. 5. С. 225–248.
7. Ерусалимский К.Ю. Исторические exempla Посольского приказа // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. С. 307–328.
8. Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского. Исследование книжной культуры. М., 2009. Т. II.
9. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2004.
10. Зимин А.А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Т. V. 1950. С. 3–39.

11. Календарь памятных дат Орловского края на 2017 год / Орл. обл. науч. универ. публ. б-ка им. И.А. Бунина, отдел краевед. док. [сост. И.Н. Шмаркова; ред. Н.М. Кирилловская]. Орел, 2016. 135 с.
12. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1989. Кн. II. Т. VIII.
13. *Курбский А.М.* История о делах великого князя московского / Издание подготовил К.Ю. Ерусалимский, перевод А.А. Алексеев. М., 2015.
14. Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего нового времени / Отв. ред. П.В. Соколов. М., 2015.
15. *Моисеев М.В.* Обоснование прав на Казанское ханство в русском средневеком нарративе // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (24–25 октября 2008 г.). Нижний Новгород, 2010. С. 395–402
16. *Моисеев М.В.* Шертные грамоты в контексте русско-ногайских отношений в XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2014. Вып. 6. С. 84–90.
17. *Морозов В.В.* Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005.
18. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549. Махачкала, 1995.
19. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань, 2006.
20. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. (1576 г.) / Подг. к печати, введение и комментарии В.В. Трепавлова. М., 2003.
21. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / Отв. ред. М.В. Моисеев; подг. текста А.В. Малов, О.С. Смирнова; статьи, коммент. А.В. Виноградов, И.В. Зайцев, А.В. Малов, М.В. Моисеев. М., 2016.
22. Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 13.
23. Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 20.
24. Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29.
25. *Пресняков А.Е.* Новые данные для изучения московских летописных сводов // Журнал министерства народного образования. Июнь. Часть ССХСІХ. СПб., 1895. С. 466–475.
26. *Рахимзянов Б.Р.* Базис и эволюция отношений «Орда – Москва» (XIII–XVII вв.) // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии. М., 2017. С. 381–387.
27. *Трепавлов В.В.* История и историческое время в представлениях позднесредневековых кочевников Евразии // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 191–203.
28. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2002.
29. *Филлюшкин А.И.* История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998.
30. *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.
31. Летописец русский (Московская летопись) / Подг. к изданию действ. член Орловской ученой архивной комиссии А.Н. Лебедев // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1895, книга третья. Вып. 174. М., 1895. С. I–IV + 1–190.
32. *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2016.

Сведения об авторе: Максим Владимирович Моисеев – кандидат исторических наук, научный сотрудник Учебно-научного центра социокультурных проектов Отделения социокультурных исследований Российского государственного гуманитарного университета (125993, Миусская площадь, 6, ГСП-3, Москва, Российская Федерация); заведующий сектором ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы», ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0421-8982>, ResearcherID: E-1622-2016 (119021, Zubovskiy bul'var, 2, Москва, Российская Федерация). E-mail: maksimoiseev@yandex.ru

Поступила 02.02.2018 Принята к публикации 24.05.2018

Опубликована 29.06.2018

REFERENCES

1. Bakhtin A.G. *XV–XVI veka v istorii Mariyskogo kraja* [The 15th–16th centuries in the history of the Mari region]. Yoshkar-Ola, 1998. (In Russian)
2. Bachinskiy A.A. «S rozmetom pisano»: reaktsiya na «nevezhlivost'» v ramkakh epistolyarno-diplomaticeskogo etiketa russko-pol'skikh otnosheniy XVI v. [“S rozmetom pisano”: reaction to the “incivility” in the framework of the epistolary and diplomatic etiquette of the Russian-Polish relations of the 16th century.] *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The questions of Middle ages]. 2017, no. 3, pp. 13–14. (In Russian)
3. Buganov V.I., Rogozhin N.M. Kratkiy Moskovskiy letopisets nachala XVII v. iz g. Galle (FRG) [Brief Moscow chronicler of the early seventeenth century from Halle (Germany)]. *Arkhiv russkoy istorii* [Archive of Russian history]. Moscow, 2007, is. 8, pp. 519–573. (In Russian)
4. Halperin Ch. Ideologiya molchaniya: predvzyatost' i pragmatizm na srednevekovoy religioznoy granitse [The Ideology of Silence: Prejudice and Pragmatism on the Medieval Russian Religious Frontier]. *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Period Kievskoy i Moskovskoy Rusi. Antologiya* [American Russian studies. Milestones of historiography in recent years. Period of Kiev and Moscow Rus'. Antology]. Samara, 2001, pp. 65–97. (In Russian)
5. Erusalimskiy K.Yu. Predstavleniya Andrey a Mikhaylovicha Kurbskogo o knyazheskoy vlasti i russkikh knyazey IX–XVI veka [Representations of Andrei Mikhailovich Kurbsky of princely power and Russian princes of the 9th–16th centuries]. *Sotsium. Al'manakh sotsial'noi istorii* [Socium. Almanac of social history]. Kyiv, 2004, is. 4, pp. 71–100. (In Russian)
6. Erusalimskiy K.Yu. Istoricheskaya pamyat' i sotsial'noe samosoznanie knyazya Andrey a Kurbskogo [Historical memory and social consciousness of Prince Andrei Kurbsky]. *Sotsium. Al'manakh sotsial'noi istorii* [Socium. Almanac of social history]. Kyiv, 2005, is. 5, pp. 225–248. (In Russian)
7. Erusalimskiy K.Yu. Istoricheskie exempla Posol'skogo prikaza [Historical exempla of the Embassy office]. *Trudy kafedry istorii Rossii s drevneyshikh vremen do XX veka* [Proceedings of the Department of Russian history from ancient times to the 20th century]. St. Petersburg, 2006, pp. 307–328. (In Russian)
8. Erusalimskiy K.Yu. *Sbornik Kurbskogo. Issledovanie knizhnoy kul'tury* [A Collection of Kurbsky. The study of book culture]. Moscow, 2009. Vol. II. (In Russian)
9. Zaytsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [The Astrakhan Khanate]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2004. (In Russian)
10. Zimin A.A. Kratkie letopisty XV–XVI vv. [Brief chronicles of the 15th–16th centuries]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archives]. 1950, vol. 5, pp. 3–39. (In Russian)

11. *Kalendar' pamyatnykh dat Orlovskogo kraya na 2017 god* [Calendar of memorable dates of the Oryol region for 2017]. Orl. Obl. nauch.Univer. Publ. B-ka im. I.A. Bunina, otdel kraeved. dok. [sost. I.N. Shmarkova; red. N.M. Kirillovskaya]. Orel, 2016. 135 p. (In Russian)
12. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian state]. Moscow, 1989. Part II. Vol. VIII. (In Russian)
13. Kurbskiy A.M. *Istoriya o delakh velikogo knyazya moskovskogo* [The History of the Grand Duke of Moscow's Deeds]. Izdanie podgotovil K.Yu. Erusalimskiy, perevod A.A. Alekseev. Moscow, 2015. (In Russian)
14. *Mnogolikaya sofistika: nelegitimnaya argumentatsiya v intelektual'noy kul'ture Evropy Srednikh vekov i rannego novogo vremeni* [Multifaceted sophistry: illegitimate arguments in the intellectual culture of Europe of the Middle ages and early modern times]. Otv. red. P.V. Sokolov. Moscow, 2015. (In Russian)
15. Moiseev M.V. Obosnovanie prav na Kazanskoe khanstvo v russkom srednevekom narrative [Justification of the rights to the Kazan khanate in the Russian medieval narrative]. *Mininskie chteniya: Trudy uchastnikov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Nizhegorodskiy gosudarstvennyy universitet im. N.I. Lobachevskogo (24–25 oktyabrya 2008 g.)* [Minin readings: Proceedings of the international scientific conference. Nizhny Novgorod state University named after N.I. Lobachevsky (24–25 October 2008)]. Nizhniy Novgorod, 2010, pp. 395–402. (In Russian)
16. Moiseev M.V. Shertnye gramoty v kontekste russko-nogayskikh otnosheniy v XVI v. [Charters of shert in the context of the Russian-Nogai relations in the 16th century]. *Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States]. Kazan, 2014, is. 6, pp. 84–90. (In Russian)
17. Morozov V.V. *Litsevoy svod v kontekste otechestvennogo letopisaniya XVI veka*. [Litsevoy svod in the context of the domestic chronicle of the 16th century.]. Moscow, 2005. (In Russian)
18. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy. 1489–1549* [The Book of Embassies on the Relations between Russia and the Nogai Horde. 1489–1549]. Makhachkala, 1995. (In Russian)
19. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy. 1551–1561 gg.* [The Book of Embassies on the Relations between Russia and the Nogai Horde. 1551–1561]. Publikatsiya teksta / Sost. D.A. Mustafina, V.V. Trepavlov. Kazan', 2006. (In Russian)
20. *Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy. (1576 g.)* [The Book of Embassies on the Relations between Russia and the Nogai Horde. (1576)]. Podg. k pečhati, vvedenie i kommentarii V.V. Trepavlova. Moscow, 2003. (In Russian)
21. *Posol'skaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1567–1572 gg.* [The Book of Embassies on the Relations between the Muscovite State and Crimea, 1567–1572]. Otv. redaktor M.V. Moiseev; podg. teksta A.V. Malov, O.S. Smirnova; stat'i, komment. A.V. Vinogradov, I.V. Zaytsev, A.V. Malov, M.V. Moiseev. Moscow, 2016. (In Russian)
22. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, 2000. Vol. 13. (In Russian)
23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, 2000. Vol. 20. (In Russian)
24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, 1965. Vol. 29. (In Russian)
25. Presnyakov A.E. Novye dannye dlya izucheniya moskovskikh letopisnykh svodov [New information for the study of Moscow Chronicles]. *Zhurnal ministerstva narodnogo obrazovaniya* [Journal of the Ministry of education]. St. Petersburg, 1895, June, part CCXCIX, pp. 466–475. (In Russian)

26. Rakhimzyanov B.R. Bazis i evolyutsiya otnosheniy «Orda – Moskva» (XIII–XVII vv.) [Basis and evolution of the relations “Horde-Moscow” (13th–17th centuries.)]. *XIII Faizkhanovskie chteniya. Nasledie Zolotoy Ordy v gosudarstvennosti i kul'turnykh traditsiyakh narodov Evrazii* [XIII Faizkhanov readings. Heritage of the Golden Horde in the statehood and cultural traditions of the peoples of Eurasia]. Moscow, 2017, pp. 381–387. (In Russian)

27. Trepavlov V.V. Istoriya i istoricheskoe vremya v predstavleniyakh pozdne-srednevekovykh kochevnikov Evrazii [History and historical time according to the conception of the late medieval nomads of Eurasia]. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy: 2001 god: Istoricheskaya pamyat' i formy ee voploshcheniya* [The Oldest States of Eastern Europe: 2001: Historical memory and forms of its implementation.]. Moscow, 2003, pp. 191–203. (In Russian)

28. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [The History of the Nogai Horde]. Moscow, 2002. (In Russian)

29. Filyushkin A.I. *Istoriya odnoy mistifikatsii: Ivan Groznyy i «Izbrannaya Rada»* [The history of one mystification: Ivan the Terrible and the “Chosen Council”]. Moscow, 1998. (In Russian)

30. Khoroshkevich A. L. *Rossiya v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy serediny XVI veka* [Russia in the System of International Relations in the middle of the 16th century]. Moscow, 2003. (In Russian)

31. Letopisets russkiy (Moskovskaya letopis') [The Russian Chronicler (Moscow Chronicle)]. Podg. k izdaniyu deystv. chlen Orlovskoy uchenoy arkhivnoy komissii A.N. Lebedev. *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete* [Readings in the Imperial society of history and antiquities of Russia at the Moscow University]. Moscow, 1895, book III, is. 174, pp. i–iv + 1–190. (In Russian)

32. Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [This Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]. Moscow, 2016. (In Russian)

About the author: Maksim V. Moiseev – Cand. Sci. (History), Researcher Fellow of the Department of Socio-Cultural Studies, Russian State University for the Humanities (6, Miusskaya Square, GSP-3, Moscow 125993, Russian Federation); Head of the sector, Museum Association “Museum of Moscow” (2, Zubovskiy Blvd., Moscow 119021, Russian Federation). E-mail: maksimoiseev@yandex.ru

Received February 2, 2018 Accepted for publication May 24, 2018

Published June 29, 2018